

ИВАНЧИКОВ

Министр Керенский

Революция создала огромной красоты образ русского министра-гражданина — в лице А. Ф. Керенского.

Я намеренно подчеркиваю местный колорит этого образа, — отнюдь при этом не желая выдвинуть, будто тип какого-нибудь итальянского министра-гражданина «хуже» русского.

Какая-то болезненная добросовестность, почти неврастеническая чуткость выдает с головой интеллигентское происхождение Керенского. Вспомним его знаменитое появление в Совете рабочих и солдатских депутатов, лишь только на горизонте его популярности (в самом лучшем, буквальном смысле этого слова) скопилось маленькое случайное облачко. Это же органически прирожденное ему, как русскому интеллигенту, чувство живой связи с выдвинувшим его «миром», «обществом», подсказало ему и его последний жест.

Обращаться к демократии, прибегать к своему рода упрощенному плебисциту по отдельным поводам — это положительно не в правах «политической», слишком «политической» Европы — даже и для министров-граждан, даже в революционные эпохи.

Жорес¹, при всем его ярком демократизме, был вождь до мозга костей, — в котором французская демократия чувствовала известную властность, обаянию которой она и не хотела сопротивляться.

Не то Керенский, при всем его авторитете в широких демократических кругах... Он весь — в кипучем живом общении с демократией; без этой ежедневной освежающей «ванны» мускулы его мозга и кровообращение его воли могли бы стать вялыми. И чувствуется со стороны, что он и сам это знает.

Отсюда этот удивительно «простонародный» характер его власти, которая истекает не от какого-нибудь декорума (какой там

«декорум» — вечно в своей, кажется — даже засаленной — курточке), не от импозантности самой идеи представляемой им власти, а коренится в том чувстве, с каким смотрит на него любой мужик, интеллигент, солдат (украдкой) большевик, бормоча про себя:

— Ну, этот — наш...

Керенский принадлежит к натурам, которые их органическая демократичность может взбросить в счастливую минуту гениальной интуиции, могучих порывов воли...

На днях один боевой офицер-нижегородец, бывший здесь наездом с петроградского совещания делегатов фронта, рассказывал мне о Керенском факт, удостоверенный ему рядом достойных веры лиц, между прочим — членами Исп[олнительного] ком[итета] Петроградского С. Р. и С. Д., — факт, от которого сильно отдает анекдотом. Но его передают в Петрограде за факт... в конце концов, неважно, факт это, или анекдот, — так как в характерном анекдоте бывает больше внутренней правды, чем в ином истинном происшествии.

Наступил критический момент. Распушенная Государственная дума решила не расходиться; бледные растерянные депутаты не знают, с чего начать, и только повторяют: «Довольно слов, пора перейти к делу»... на улице расстреливают голодный народ... в то же самое время Волынский полк, уже решивший не стрелять в народ, волнуется и мечется в «предреволюционной тоске», — не находя, как оформить свой верный революционный инстинкт.

В этот самый момент мимо Таврического дворца случайно проходила рота какого-то полка с офицером... Вдруг из подъезда показывается Керенский и кричит:

— Солдаты, Государственная дума с вами!

Пламенная речь его увлекает роту и ее начальника... Через минуту — Керенский бросает в зале заседаний лозунг, который все так искали в эти мучительные часы:

— Члены Государственной думы, солдаты с нами! Вот они!..

Еще через минуту — Керенский отрядил взвод солдат для ареста и доставки в Таврический дворец министра Щегловитова. И еще через минуту — Волынский полк уже знал, что ему делать — куда идти.

С этого и началось...

Факт это или легенда, — но эта формула слиянности демократической идеи (Дума) с демократической «материей» (солдаты) не случайно была так гениально найдена именно Керенским. А по этой формуле, как известно, разрешена была и вся «задача» революции!

И еще одна «местная» черта в облике министра Керенского, — его необычайная простота и доступность... с ним «не церемонятся», — и он, в свою очередь, со всеми — запросто.

Принимает Керенский всех... Заходят к нему два солдата, чем-то глубоко взволнованные.

— Что вам, товарищи?

— Да не порядок это, — что ж это такое — хотят давать пайки женам городовых!.. Как хошь, а отмени... Не отменишь, мы их всех переколем...

Начинается горячий спор. Министр старается привить вольнице политическое понятие доверия:

— Ну вот, положим, вы, товарищи, будете министр, а я прихожу и говорю вам.

— Оно точно, — да только как же, батюшка, оно будет, ежели?..

Вмешиваются другие посетители и ставят на вид, что министр так занят, и его отрывают по пустякам. Вольница сконфужен, но оправдывается:

— Дыть, мы не без ума, — спросили, слободен ли... Говорят, можно, — так что ж не поговорить?..

А он «занят» — безумно, запойно (так по-русски, по-интеллигентски) угрожающе занят!

С Керенским «не церемонятся»: нередко в 2 часа ночи какой-нибудь митинг выражает страстное желание послушать Керенского, — звонят по телефону, — и министр, увлекаемый своим роком, появляется на эстраде и говорит...

Роком... — потому что есть что-то роковое в этой взаимной тяге демократии и «ее» министра-гражданина.

Керенский безумно переутомлен... он, говорят, просто шатается, — спит стоя, на ходу... дня три-четыре провел в санатории... подвергался уже какой-то операции...

Ах, как надо его беречь — этого любимца нашей революции!.. Иначе, по словам тех, кто видел его и следил за ним, его надолго не хватит.

Увы, еще не изобрели верного и быстрого способа прививки русскому интеллигенту... бациллы европейской «умеренности и аккуратности».

